

А.Н. Кирпичников

Археология СССР

Доспех и комплекс боевых средств

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.Н. Кирпичников**
Археология СССР: Доспех и комплекс боевых средств / А.Н. Кирпичников – М.: Книга по Требованию, 2022. – 128 с.

ISBN 978-5-458-43490-4

ISBN 978-5-458-43490-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск свода «Древнерусское оружие» является продолжением двух первых книг того же автора, а именно выпуска 1 — «Мечи и сабли, IX—XIII вв.» — и выпуска 2 — «Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени, IX—XIII вв.», опубликованных издательством «Наука» в 1966 г. Выпуск состоит из трех разделов. В первом рассматривается такая яркая и показательная часть вооружения, как доспех. Представить боевой убор древнерусского воина помогли археологические и изобразительные материалы, многие из которых публикуются впервые. В интересах темы, требующей повышенной наглядности, привлечены миниатюры, иконы, фрески, печати, образки. Методика исследования материала, его сбор, систематизация и датировка основаны на принципах, изложенных в уже опубликованных книгах.

Сортировка и классификация вещей не явились самоцелью, а послужили задачам исторического и военно-тактического изучения, изложенным в разделе «Комплекс боевых средств и его использование». За типологическими и хронологическими рядами хотелось представить древних воинов и оружейников, узнать, как и чем они снаряжались, как использовали свое оружие когда скакали на коне или выступали в качестве пехотинцев. Собственно снаряжение всадника и его коня в связи с обилием источников сконцентрировано нами в самостоятельном выпуске свода, который принят к печати.

В конце настоящей книги подводятся итоги всего исследования о раннесредневековой военной технике. Речь идет здесь о развитии боевых средств в целом, о их своеобразии и особенностях, связях с внешним миром и вкладе Руси в международную оружейную культуру.

В истории русского военного дела IX—XIII вв. являются особым периодом.¹ Отечественное ору-

жие, тогда зародившееся, вскоре достигло блестящего развития, подорванного монгольским погромом. Для XIV—XV вв. наши вещественные источники заметно оскудевают; это время нам известно хуже, чем предшествующее. И лишь Московское государство — преемник великих традиций Киевской державы — восстановит и на новой основе разовьет свой военный потенциал.

При создании настоящей работы мы стремились использовать то новое, чего достигли как зарубежное, так в особенности и отечественное оружиеведение и археология. К настоящему времени фронт исследований неудержимо расширяется. Эпоха грандиозных курганных раскопок осталась позади. На первое место выдвинулось исследование городов и поселений, которое приносит все новые материалы. Оружие стало ныне неотъемлемой частью и элементом древнерусской культуры. Оно приобретает все большее значение в историко-культурных, этнических и хронологических определениях. Теперь ни одна сколько-нибудь значительная работа о городах и ремесле не обходится без оружейно-ведческих экскурсов. Процент первичной изученности и учета всей массы найденного домонгольского вооружения достиг примерно 80—90%. Вырос уровень исследований, и военная археология стала получать надежные даты и обогащаться данными точных пауков. В результате всех этих изменений открылись такие возможности для изучения древнерусского оружия, понять и оценить которые во все возрастающей степени мы можем только теперь.

в IX—XIII вв. ВИ, 1970, № 1, стр. 42—55; 5) Древнерусский бой. Вторая Всесоюзная научная конференция оружейников. Тбилиси, 1969, стр. 23—24; 6) Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX—XIII вв. I Międzynarodowy Kongres Archeologii Słowiańskiej. Warszawa, 1970, t. V, стр. 337—351; 7) Технические нововведения в русском войске XII—XIII вв. Третья Всесоюзная научная конференция историков оружия. Л., 1971. См. также: А. Kirpichnikov. 1) Die russischen Waffen des 9—13 Jahrhunderts und Orientalische und Westeuropäische Einflüsse auf ihre Entwicklung. Gladius, Jarajz de la Vera, 1968, стр. 45—74; 2) Russisk-skandinaviske forbindelser i IX—XI århundrede illustreret ved våbenfund. Kuml, Århus, 1969, стр. 165—189; 3) Connections between Russia and Scandinavia in the 9th and 10th centuries, as illustrated by weapon finds. Varangian problems. Scando-slavica. Suppl. 1, Kopenhagen, 1970, стр. 50—76.

¹После публикации первые двух выпусков свода «Древнерусское оружие» в развитие некоторых положений автор написал ряд статей: 1) О своеобразии и особенностях в развитии русского оружия X—XIII вв. (К проблеме культурных влияний в истории раннесредневековой техники). В кн.: Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967, стр. 90—95; 2) Битвы стародавней Руси (IX—XIII ст.). Українськ. историч. журн., 1969, № 10, стр. 74—83; 3) Вивчення давньоруської зброї. Там же, 1970, № 10, стр. 126—131; 4) Вооружение Руси

Международный опыт убеждает, что в общественном смысле оружиеведение опрокинуло прежние «спокойные» его оценки. Эта дисциплина вышла за пределы кабинетов коллекционеров и ученых и вместе с некоторыми другими гуманитарными науками проникает в досуг и образование рядового человека. В послевоенной Европе появились особые общества, институты, музеи, множество специализированных, в том числе и периодических изданий. Собираем и изучением старинного оружия и военного снаряжения интересуется все больше людей, вовсе не специалистов. Бурные технические преобразования, острые военно-политические конфликты, борьба народов, катастрофы и победы, неувядаемое мастерство древних оружейников — все это способно захватить огромную аудиторию.

Ныне в странах Европы и Америки ежегодно публикуются (не считая каталогов и справочников) около 20 монографий и до 150 статей по истории оружия. В 1957 г. музейные сотрудники из разных государств, работающие в области оружия и военного дела, основали Международную ассоциацию музеев оружия и военной истории (ИАММ). В настоящее время в эту организацию входят около двухсот гражданских и военных музеев из пятидесяти стран всех континентов (включая и СССР), и по числу членов она является едва ли не самой обширной Ассоциацией, осуществляющей международное научное и культурное сотрудничество под эгидой ЮНЕСКО. Каждые три года Ассоциация созывает конгрессы оружейников и военных историков; в июне 1966 года очередной IV конгресс состоялся в Москве и Ленинграде.

Думается, что отечественное оружиеведение, учитывая накопленный им опыт и богатства наших музеев, призвано играть более активную роль как внутри страны, так и за ее пределами. Выше говорилось об изучении древнего оружия. Результаты этого труда ощутимы, но в широкой печати известны недостаточно. В адрес «науки о древности» иной раз можно услышать немало скептических замечаний, либо о ней и вовсе молчат. Про-

тивопоставление современной и древней тематики обедняет наше общее дело и может принести только вред, в том числе и воонно-патриотическому воспитанию. Становится все яснее, что Древнерусское государство по уровню своего оружейного ремесла занимало среди развитых европейских стран одно из первых мест. С какой же стати отсекается этот питательный корень или сдерживать его развитие?

Интерес к русским военным древностям за рубежом огромен, но подчас не идет дальше представлений 50-летней давности. До самой последней поры русское средневековое оружие в силу его крайне недостаточной опубликованности почти не учитывается западными учеными. Видимо, пришло время покончить с недооценкой изучения русской военной техники в целом. В немалой степени этому могли бы способствовать систематичность работ, обмен информацией, подготовка молодых специалистов, встречи ученых, в том числе и международные, издание книг, альбомов и сборников, а также переводов лучших западноевропейских историко-технических работ. Если Институт археологии изыскал возможность напечатания Сводов древнерусского вооружения, то почему такого рода публикации не применить для издания позднесредневековых пушек, ружей, кольчуг, шлемов и т. п. Такой свод был бы шире обычных музейных каталогов, так как включал бы изделия не по месту какого-либо одного хранения, а хронологически и территориально. Надеемся, что настанет время, когда будет создано Всесоюзное общество историков оружия и соответствующий журнал, названный, например, «Советское оружиеведение».

Труд нескольких поколений русских ученых создал солидную базу для дальнейшего развития отечественного, в том числе и средневекового оружиеведения. Нет сомнений в том, что блестящие возможности научного изучения и пропаганды достижений русской культуры и техники, заложенные в доставшемся нам наследии, будут снова и снова привлекать внимание специалистов и изумлять читательскую аудиторию.

ДОСПЕХ

ГЛАВА I

КОЛЬЧУГИ И ПАНЦИРИ

Выступи полк из загорья, вси во бронях,
яко во всякомь леду.

Лаврентьевская летопись
под 1176 г.

Для археологов-оружиеведов изучение доспеха давно стало обозначать пробу сил в теоретических построениях, борьбу тенденций и взглядов. Особой компетенцией отличаются наблюдения Э. Э. Ленца, внимательно описавшего не один десяток русских кольчуг и других доспехов.¹ Э. Э. Ленц выдвинулся как один из крупнейших мировых знатоков средневекового доспеха. Древнерусский доспех постоянно привлекает советских исследователей, и особенно в связи с русско-норманскими отношениями. Историю отечественных кольчуг проследили А. В. Арциховский, М. Г. Рабинович, Л. Ф. Медведев.² Б. А. Рыбаков писал о местном производстве кольчуг и выяснил технику их изготовления.³ Об этом же писал и Б. А. Колчин.⁴ Упомянутые работы не исчерпывают затронутой тематики. Основные вопросы истории доспеха — происхождение, развитие и использование — вновь и вновь требуют своего рассмотрения.

Славяне VI в., по отзыву Прокопия, еще не имели защитной одежды.⁵ Первые упоминания

о доспехе относятся к началу VII в.⁶ Распространение доспеха начинается с момента организации войска и государства. Предохранительное вооружение появляется там, где создается феодальная власть и строятся ее замки. Доспех становится важнейшим атрибутом военной культуры, показателем ремесленного мастерства и даже жизнестойкости народа.

Как правильно заметил А. В. Арциховский, по массовому применению и высокому качеству боевой одежды можно лучше всего судить о развитии военного дела.⁷

КОЛЬЧУГИ

Точно и образно назначение этого доспеха описал Бируни: «Кольчуги предназначены для посрамления оружия (врага) в бою, они защищают от того, чем действуют противники, и от ударов, срубающих голову».⁸ Отличные технические и предохранительные свойства, гибкость и непроницаемость обеспечили кольчугам широкое распространение и популярность. Об этом же свидетельствуют и сами находки (рис. 1). На территории Древней Руси в ста археологических комплексах найдено около 112 кольчуг IX—XIII вв. (40 целых, остальные в обрывках и обломках).⁹ Насколько мне известно, ни одна из европейских стран не обладает (для IX—XIII вв.) столь значительными материалами.¹⁰

⁶ L. Niederle. *Slovanské starožitnosti*, dil. III, sv. 2. Praha, 1925, стр. 563.

⁷ А. В. Арциховский. Новгород Великий по археологическим данным. В кн.: Новгород к 1100-летию города. М., 1964, стр. 45.

⁸ Ал-Бируни. *Минералогия*. М., 1963, стр. 231.
⁹ Эти цифры при учете многих незамеченных, пропавших и депортированных вещей следует считать преуменьшенными.

¹⁰ S. Grieg. *Gjermundbufunnet*. Norske Oldfunn, VIII, Oslo, 1947, стр. 48 и сл.; A. Nadolski. *Sludia nad*

¹ Э. Э. Ленц. 1) *Опись собрания оружия графа С. Д. Шереметева*. СПб., 1895, стр. 3 и сл.; 2) *Указатель отделения средних веков и эпохи Возрождения*, ч. I. Собрание оружия. СПб., 1908, стр. 19 и сл.; 3) *Предметы вооружения и конского убора, найденные близ села Демьяновки Мелитопольского уезда*. ИАК, вып. 2, СПб., 1902, стр. 83.

² А. В. Арциховский. 1) *Русская дружина по археологическим данным*. Историк-марксист, 1939, № 1, стр. 194; 2) *Русское оружие X—XIII вв.* Докл. и сообщ. ист. фак. МГУ, вып. 4, 1946, стр. 8; М. Г. Рабинович. *Из истории русского оружия IX—XV вв.* Тр. Инст. этногр., нов. сер., т. I, 1947, стр. 73—74; А. Ф. Медведев. *К истории кольчуги в Древней Руси*. КСИИМК, вып. 49, 1953, стр. 26—31.

³ Б. А. Рыбаков. *Ремесло Древней Руси*. М., 1948, стр. 231—232.

⁴ Б. А. Колчин. *Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси*. МИА, № 32, 1953, стр. 150—152.

⁵ *Сборник документов по социально-экономической истории Византии*. М., 1951, стр. 76.

Первые отчетливые свидетельства об отечественных кольчугах¹¹ относятся к начальной поре раннефеодальной государственности. Ибн-Русте, писавший в 903—913 гг., отмечает, что у славян

организации на передний план выдвигаются дружинники «железносцы»,¹³ облаченные в шлемы и кольчуги. Первое дошедшее до нас сообщение о тяжеловооруженных воинах Игоря приурочено

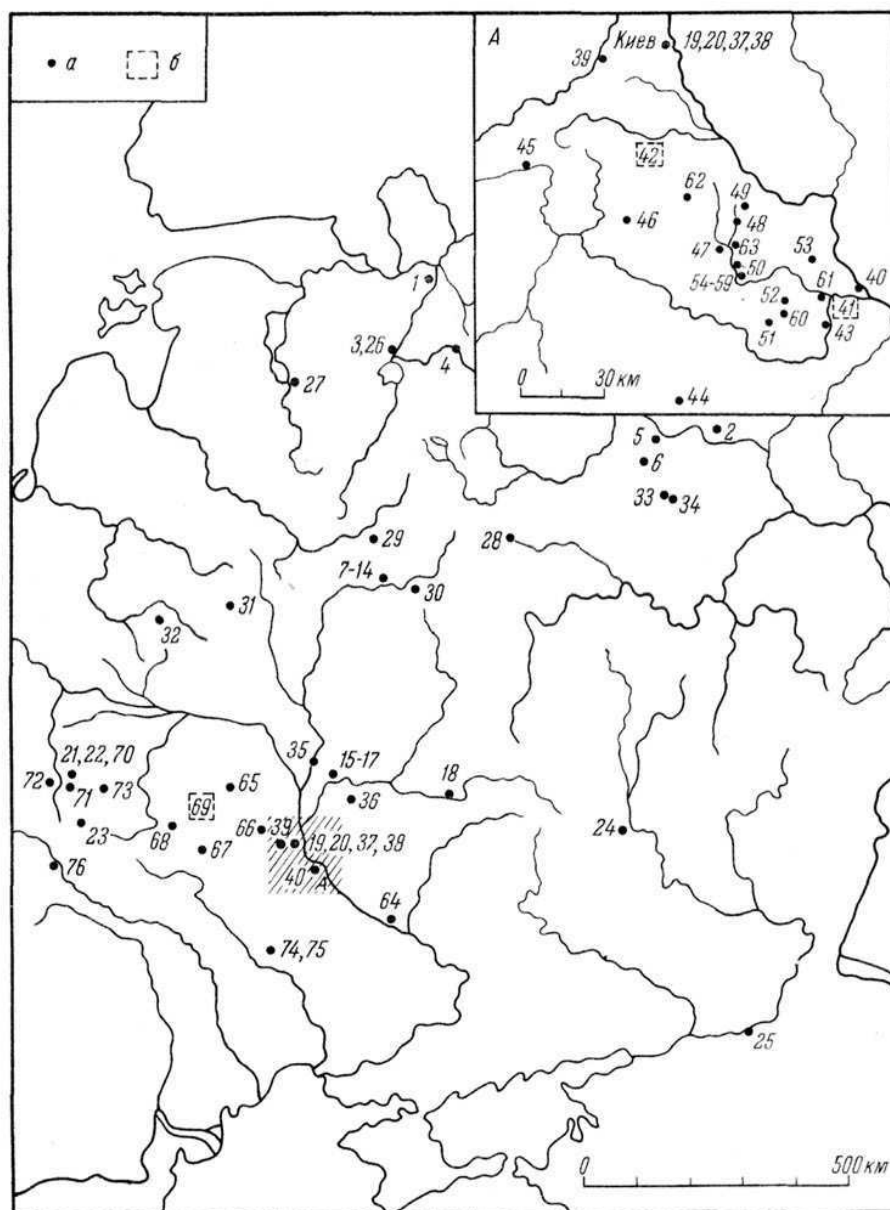

Рис. 1. Кольчуги IX—XIII вв. Карта находок.

Цифры — номера по каталогу; а — место находок; б — район находок.

ского царя были «прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги».¹² С укреплением новой военной

uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku. Łódź, 1954, стр. 77 и сл. На Западе вообще найдено очень мало раннесредневековых кольчуг, что объясняется отсутствием обычной класть доспех в погребения (С. Blair. European Armour. London, 1958, стр. 19 и сл.).

¹¹Кольчуга — славянское слово; оно фиксируется в документах XV—XVI вв., заменив прежнее название — броня (ср.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стр. 183).

¹²А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 266.

к 941 г.,¹⁴ а тремя годами позже гвардейцы этого князя клянутся своим оружием (среди которого были и брони) при заключении мира с греками.¹⁵ В подписанном по этому поводу договоре после перечисления щитов и мечей стоит следующее: «... и обруче свое и прочаа оружья». Термин «обручи» к оружию не относится и появился, по-видимому,

¹³Никоновская летопись под 912 г.

¹⁴L. Niederle. Slovanské starožitnosti, стр. 522.

¹⁵Ипатьевская летопись под 945 г.

в результате переделки неразборчивого слова.¹⁶ В передаче В. Н. Татищева здесь приводится слово «броня», что вполне правдоподобно.¹⁷ Если сказанное верно, перед нами древнейшее упоминание брони-кольчуги в русских источниках. Первое бесспорное упоминание брони, как русского подарка печенежскому князю, помещено в летописи под 968 г.¹⁸ Именно в это время разразилась русско-византийская война и вместо беззащитной толпы перед византийцами оказалась фаланга одетых в кольчуги воинов Святослава.¹⁹ Как бы не были разрознены все приведенные выше сообщения, они показывают, что оснащение защитным снаряжением явилось важнейшим показателем военного подъема Киевской державы.

Археологические данные углубляют свидетельства письменности. Кольчуги на территории Древней Руси обнаруживаются необычно рано, а именно в погребениях VIII—IX вв.²⁰ Древнейшей датированной находкой этого периода, найденной с монетами VIII в., считалась кольчуга из захоронения на р. Осколе²¹ Воронежской области. Обрывки кольчуг оказались также в погребениях Княжьего Села Новгородской области и с. Волянцево Сумской области²² среди таких женских вещей, как бусы, височные кольца, спиральные пронизки (рис. 40, 1).²³ В этих комплексах нет оружия и части кольчужной ткани (10—40 колец) представляли, очевидно, мужской заупокойный дар. Благодаря этому «ритуальному» обстоятельству женские могилы сохранили древнейшие детали восточноевропейских кольчуг предкиевского времени. В самих военных захоронениях кольчуга появляется лишь в X в. (рис. 40, 2, 3), но в этот период приблизительно в 7 смоленских и черниговских курганах²⁴ кольчужные колечки оказались среди типично женского инвентаря. Версия о том, что эти колечки служили запасом для ремонта

кольчуг в походах, вряд ли правдоподобна.²⁵ В этих комплексах нет оружия и инструментов, но имеются вещи богатых и знатных женщин. Очевидно, кольчужные кольца и в этих погребениях имели символическое значение, олицетворяя мужское начало и являясь супружеским почетным приношением (тот же смысл имели бусы, найденные в некоторых мужских погребениях).²⁶

ТАБЛИЦА 1
Кольчуги IX—X вв.

Район или место находки	Количество	
	обломки или обрывки	целые
Старая Ладога	1	—
Костромская обл.	1	—
Новгород и обл.	2	—
Ярославская обл.	2	—
Смоленская обл. (Гнездово)	8	—
Чернигов	1	4
Киев	1	1
Сумская обл. (Волянцево)	1	—
Владимир-Вольнский	—	2
Львовская обл. (Подгорцы)	—	1
Воронежская обл. (Титчиха)	1	—
Ростовская обл. (Цимлянская)	1	—
Итого	19	8
	примерно от 27 доспехов	

Кольчуги X в. происходят из 23 археологических комплексов (табл. 1) и лучше известны не по женским погребениям, а по прославленным могилам вождей всадников в Гнездове, Киеве, Чернигове и Плеснеске. Полные доспехи (включая шлемы) полагались, видимо, только самым богатым и знатым, из чего, однако, не следует, что они и в действительности были большой редкостью.

Большинство образцов найдено в скипевшихся перегорелых кусках (из трупосожжений); построй и технику их распознать трудно. Тем не менее и 8 случаях удалось установить, что кольца кольчуг попеременно сварены и склепаны (рис. 2).²⁷ Эта техника будет типичной для кольчатой брони всего домонгольского периода. Сами кольца откованы из железной проволоки и в поперечнике достигают 7—9 и 13—14 мм, а по толщине не превышают 1. 5—2 мм. Наиболее универсальными были мелкие кольца, которые использовались при плетении как самих кольчуг, так и бармиц шлемов. Трижды в плетении доспехов обнаружены каймы из медных колец (№№ 8, 12 и 17; Гнездово и Чернигов). Медные каймы известны у кольчуг более поздней поры и имели декоративное назначение. Описанные особенности показывают, что техника производства кольчатой брони в IX—X вв. вполне сложилась.

²⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 230, прим. 82.

²⁶ Описанный обычай древнего происхождения и зафиксирован еще в гепидских погребениях V—VI вв. в Венгрии. (D. Csallány. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken. Budapest, 1961, стр. 262—263). Насколько он связан с воинственностью женщин, судить трудно.

²⁷ №№ 4, 7—10, 12, 13, 16.

¹⁶ Памятники русского права, вып. 1, М., 1952, стр. 50.

¹⁷ В. Н. Татищев. История Российская, кн. 2, М., 1773, стр. 30.

¹⁸ Ипатьевская летопись под 968 г.

¹⁹ История Льва Диакона Калойского. Пер. Д. Попова. СПб., 1820, стр. 89.

²⁰ Ср.: А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, МИА, № 65, 1959, стр. 173.

²¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 232. Древнейшая на нерусском северо-востоке кольчуга IX в. найдена на Чертовом городище бывш. Вотлужского уезда Костромской губ. (В. Каменский. «Чертово городище» в Вотлужском уезде по раскопкам 1908 г. Сб. музея по антропологии и этнографии при АН, вып. VII, СПб., 1909, табл. VI).

²² №№ 4 и 18 (здесь и далее в сносках, тексте и иллюстрациях приводятся номера по каталогу).

²³ Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Отарой Ладоги. СА, т. XIV, М. — Л., 1950, стр. 200—201, рис. 5, 1—7 на стр. 199; Д. Т. Березовец. Дослідження на території Путивльського району, Сумської області. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 248 и табл. I, 2 на стр. 246.

²⁴ №№ 7, 9—11, 14, 15, 29. Имеется также три кургана (№№ 1, 5 и 9), где части кольчуги не сопровождались другими военными предметами. Принадлежность этих курганов мужчинам установлена в двух случаях (№№ 1 и 5). Кольчужные части здесь также, возможно, имели символическое значение, обозначая распространяемый в загробных церемониях прием положения в могилу вместо целого предмета его части.

В нескольких дружинных курганах Тимерева, Гнездова и Шестовиц найдены миниатюрные инструменты: зубила, наковальни, шилья, молотки, клещи, бруски, которые могли применяться как писал Б. А. Рыбаков, при выделке кольчуг.²⁸ Заметим, однако, что ни в одном из этих комплексов кольчужной ткани не обнаружено,²⁹ поэтому об оружейной специализации погребенных судить трудно. Найденные инструменты скорее всего предназначались для мелких универсальных работ,³⁰ например починок оружия в походе. Изго-

мусульманском Востоке.³³ Европейцы раннего средневековья довольствовались будто бы одними кожаными панцирями с металлическими нашивками. Это заключение, господствовавшее долгое время, и дало повод А. В. Арциховскому (а вслед за ним и другим авторам) написать, что в применении кольчуг Русь на два века обогнала Западную Европу.³⁴ Восточное происхождение кольчуг на Руси казалось наиболее приемлемым, а южно-русские степи рассматривались как путь проникновения этого доспеха на Запад.³⁵

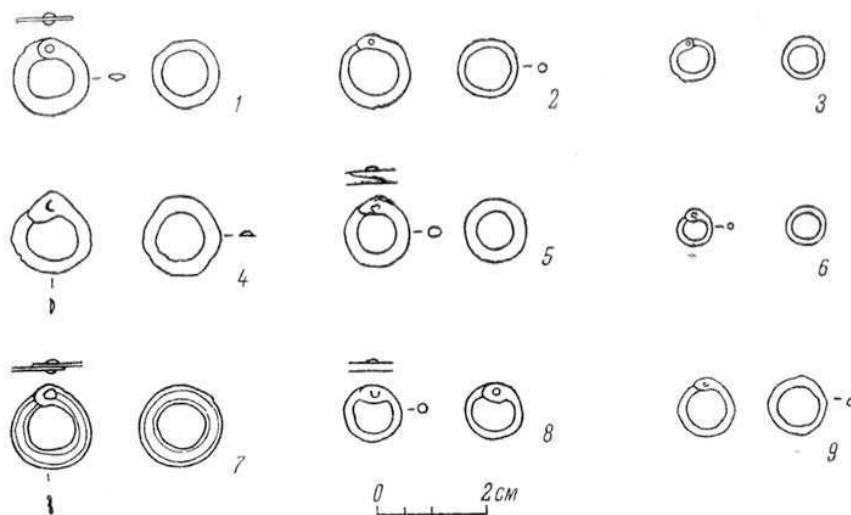

Рис. 2. Кольца кольчуг VIII—XIII вв.

1 - Княжое Седо (№ 4); 2 - Гнездово (№ 12); 3 - Нежин (№ 36); 4-6 - Князя Гора (№ 40); 7 - Городище (№ 68); 8 - Райки (№ 67); 9 - Межерички (№ 75).

товление кольчуг — очень кропотливое и трудоемкое дело; оно требовало огромного терпения и навыка. Многочисленность находок даже при отсутствии самих мастерских может свидетельствовать о том, что выделка этого доспеха не была секретом для киевского кузнеца X в.

Исследователи давно задавали вопрос, с какой стороны «пришла» кольчуга в Россию: из Азии или из Европы.³¹

Кольчуга — древнее ассирийское или иранское изобретение.³² В Европе кольчугу употребляли кельты, особенно римляне. Она, как полагали, исчезла с гибелью империи. По мнению оружейников прошлого века, кольчуга вторично появилась в Европе лишь около 1150 г., после того как крепостносы узнали и оценили этот вид доспеха на

Время, однако, вносит в изложенные построения существенные поправки.³⁶ В последние годы специалисты убедились, что раннесредневековая кольчуга берет свое начало в эпоху великого переселения народов (находки этого доспеха в ряде европейских мест датируются римским временем).³⁷ Оказалось, что в послеримский период кольчуга не только не исчезла, но и все шире распространилась в «варварской» Европе. В частности, германцы эпохи переселения народов и времени Меровингов

³³Ср.: W. Boeheim. *Handbuch der Waffenkunde*. Leipzig, 1890, стр. 130.

³⁴А. В. Арциховский. 1) Русская дружина по археологическим данным, стр. 194; 2) Русское оружие X—XIII вв., стр. 8.

³⁵А. Ф. Медведев. *Оружие Новгорода Великого*, стр. 173.

³⁶Первое несогласие с мнением В. Бёгейма выразил А. Деммин, писавший, что в Европе кольчуга была распространена задолго до XI в. (A. Demmin. *Die Kriegswaffen in ihren geschichtlichen Entwicklungen*. Leipzig, 1891, стр. 579). См. также: F. M. Kelly. *Römisch-romantische Ringelpanzer*. ZWK, NF, Bd. IV, H. 9, Berlin, 1934, стр. 204—210.

³⁷Я не касаюсь дискуссионного вопроса о том, откуда заимствовали варварские народы Европы кольчуги — с Востока или из Рима. Розе утверждал первое (W. Rose. *Römisch-germanische Panzerhemden*. ZWK, NF, Bd. IV, H. 2, Dresden, 1906, стр. 52—55), Энлар и другие — второе (C. Enlart. *Manuel d'archéologie française*. Paris, 1916, стр. 449). Л. Индерле принимал во внимание обе эти возможности (L. Niederle. *Slovanske starožitnosti*, стр. 568—570).

²⁸Б. А. Рыбаков. *Ремесло...*, стр. 230 и сл.

²⁹Определение гнездовского кургана № 50 (39), раскопанного С. И. Сергеевым в 1899 г., как погребения кольчужника (Б. А. Рыбаков. *Ремесло...*, стр. 230 и сл.) не вполне доказано. В этом погребении нет кольчужных колец, за них была принята цепочка, после расчистки оказавшаяся не железной, а бронзовой.

³⁰Ср.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, стр. 32—35.

³¹В. М. Флоринский. *Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни*, ч. II, вып. 2, Томск, стр. 535.

³²P. Post. *Orientalische Einflüsse auf die europäische Panzerung des Mittelalters*. ZWK, NF, Bd. II, H. 9, Berlin, 1928, стр. 239.

носили кольчатый панцирь в качестве обычного оборонительного прикрытия.³⁸ Можно сказать, пишет английский историк оружия Клод Блер, что в период с 600 по 1250 г. если и носилось что-нибудь кроме мягкого доспеха, то в 99 случаях из 100 это была одежда, сделанная из колец.³⁹ У франков на Рейне процветали кольчужные мастерские, продукция которых (вместе с мечами), несмотря на запреты, расходилась далеко за пределы их области. В Скандинавию кольчуги проникли еще в римское время. Их редкое нахождение в могилах викингов объясняют просто отсутствием такого обычая.⁴⁰

На происхождение кольчуг у славян указывает само название. Броня — слово германского происхождения, производное от древневерхненемецкого *Brunja*, немецкого *Brünne*.⁴¹ По мнению Л. Нидерле, это прямо свидетельствует о заимствовании данного вида вооружения от германцев в каролингскую эпоху, тем более что имеется запрещение Карла Великого 805 г. продавать славянам оружие и броню (*arma et brunias*).⁴²

Являясь сторонником каролингского происхождения славянской брони, Л. Нидерле признавал при этом и воздействие Востока. Не отрицая правильности мнения чешского ученого о западных и восточных взаимодействиях, следует прибавить, что на киевских славян могла повлиять и местная традиция. В Восточной Европе кольчуги распространялись в первые века нашей эры среди сарматов.⁴³ Забыт был этот доспех позднее или нет, сказать трудно, но в V—VIII вв. (иногда и раньше) район его использования простирается от Прикамья, Западного Приуралья^{43а} и Северного

³⁸W. Rose *Römisch-germanische...*, стр. 41 и сл.; G. Arwidsson. *Valsgårde 8*. København, 1954, стр. 41, 47—48.

³⁹C. Blair. *European Armour*, стр. 19. См. также: R. E. Oakshott. *The archaeology of Weapons*. London, 1960, стр. 153.

⁴⁰T. J. Arne. *Die Warägerfrage und die Sowjetrussische Forschung*. AA, vol. XXIII, København, 1952, стр. 147; R. Thordeman. *Armour from the battle of Wisby 1361*, vol. 1. Stockholm, 1939, стр. 284; R. Grieg. *Gjermundbufunnet*, стр. 48—51.

⁴¹Восходит к прагерманскому *Brunjon* (В. В. Мартынов. *Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры*. Минск, 1963, стр. 58—59).

⁴²Л. Нидерле. *Славянские древности*. М., 1956, стр. 382—383; L. Niederle. *Slovanské starožitnosti*, стр. 562—570.

⁴³М. И. Ростовцев. 1) Эллинизм и иранство на юге России. Пгр., 1918, стр. 129, 133; 2) Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 576; Н. И. Веселовский. *Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе*. Тр. XII АС, т. 1, СПб., 1902, стр. 353. Как любезно указал Е. В. Черненко, обломки древнейшей восточноевропейской кольчуги (Васюрина Гора, Тамань, раскопки Люценко; комплекс хранится в Гос. Эрмитаже) происходят из погребения IV—III вв. до н. э.

^{43а}ОАК за 1900 г. СПб., 1902, стр. 88; М. Худяков. *Воробьевский и Вичмарнский могильники*. Изв. Общ. археол. при Казанск. унив., т. 34. 1929, стр. 81; Р. Б. Ахмеров. *Уфимские погребения VI—VIII вв.* КСИИМК, вып. 40, 1951, стр. 125—126; В. Ф. Генинг. *Азелинская культура III—V вв.* Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. Ижевск, 1963, стр. 73, рис. 38. Для сравнения отмечу, что части кольчуг VII—VIII вв. найдены в Пенджикенте и на Алтае (А. А. Гаврилова. *Кудыргэ*. Архив ЛОИА, ф. 32 оп. 2. № 1182, л. 93).

Кавказа⁴⁴ до Чехии и Венгрии.⁴⁵ О едином пространстве восточноевропейских кольчуг говорить не приходится. Позднее о кольчугах у авар, хазар и болгар писал Ибн-Русте,⁴⁶ но в этом же списке помещены и славяне. Арабские авторы, говоря о славянах, не упоминают о ввозе кольчуг извне, что они (как правильно отметил Б. А. Рыбаков) не преминули бы сделать, если бы последние ввозились из халифата.⁴⁷ Предыстория раннекиевской кольчужной брони, таким образом, уходит в этнически и географически разные районы, но к VIII в. эта предыстория была гораздо более европейской, чем азиатской. Киевские оружейники находились на рубежах европейского мира и поэтому видели восточные доспехи, но влияние западных и местных образцов, очевидно, преобладало. Как бы то ни было, находки VIII—IX вв. выдвигают Русь в число древнейших средневековых европейских государств, располагавших этим совершенным боевым прикрытием. От киевских дружин кольчугу могли перенять некоторые нерусские племена, например печенеги.⁴⁸ По сообщению ал-Мукадеси (985—986 гг.), в Хорезм из Болгарии привозили среди прочих товаров и панцири.⁴⁹ О Болгарии как месте изготовления доспехов говорить трудно. Мукадеси писал вскоре после ее разгрома Святославом.⁵⁰ По предположению Б. А. Рыбакова, в болгарских торговых караванах могли находиться русские изделия, в том числе и брони.⁵¹

С развитием феодального войска броня становится необходимым защитным средством как профессионального воина, так и состоятельного горожанина, купца и ремесленника.

Доспех повлиял на военные строи и тактику. Выделившиеся в X в. тяжеловооруженные воины веком позже составили постоянное ядро войска. Эта прослойка воинов известна, в частности, по случайному упоминанию в Ипатьевской летописи. Под 1146 г. в пей помещено известие об участии в междоусобице борьбе белозерских дружинников, названных необычно — «бренидзец» (вариант «бернистец»). Это слово появилось в результате искажения средневековым переписчиком текста подлинника. И действительно, буквы «дъ» написаны по подскобленным буквам «ст», следующее «е» переделано также из другой буквы.⁵² В одной из поздних летописей непонятное слово заменено названием «бронники».⁵³ Испорченное слово

⁴⁴П. С. Уварова. *Могильники Северного Кавказа*. МАК, вып. VIII, М., 1900, стр. 122 и сл.; А. Ф. Медвед. *К истории кольчуги...*, стр. 28.

⁴⁵J. Eisner. *Devinska Nová Ves*. Bratislava, 1952, стр. 296; D. Csallány. *Archäologische Denkmäler...*, стр. 262—263. В этих книгах указаны фрагменты кольчуг из аварских, кутригурских и гепидских погребений.

⁴⁶А. Я. Гаркави. *Сказания...*, стр. 266 и сл.

⁴⁷Б. А. Рыбаков. *Ремесло...*, стр. 232.

⁴⁸Ипатьевская летопись под 968 г.

⁴⁹А. Я. Гаркави. *Сказания...*, стр. 282.

⁵⁰Б. А. Рыбаков. *Ремесло...*, стр. 474.

⁵¹Там же.

⁵²ПСРЛ, Ипатьевская летопись. Изд. 2-е СПб., 1908, прил. к тексту, стлб. 337—338.

⁵³Московский летописный свод под 1146 г.

Кольчуги XI—XIII вв.

Район или место находки	Количество	
	обломки или обрывки	целые
Новгород	8	—
Псков	1	—
Московская обл. (Тушково)	1	—
Смоленская обл.	2	—
Минск	2	—
Гродненская обл. (Новогрудок)	1	—
Владимирская обл.	—	2
Черниговская обл.	1	1
Киев	2	—
Города Киевской области	7	3
Курганы Киевской области	5	15
Полтавская обл. (Воинская Гребля)	1	—
Житомирская обл.	~41	4
Хмельницкая обл. (Городище)	9	1
Кременецкий район Тернопольской области	—	1
Владимир-Волынский и область (Польша)	1	3
Чернио	1	—
Подолля (Межерички)	1	1
Станиславская обл. (Крылос)	1	1
Итого	~84	32
	примерно от 85 доспехов	

Ипатьевской летописи можно восстановить совершенно точно; оно читается как «бронистец» (или «бранистарец»). Термин этот был известен по памятникам переводной литературы XI—XII вв. и обозначал тяжеловооруженного воина.⁵⁴

Не менее 13 раз упомянута кольчуга в летописных сообщениях XII—XIII вв. В походе доспехи везли отдельно и надевали перед битвой: «Изнарядися в брони аки на рать».⁵⁵ Человек, надевший кольчужную рубашку, считался готовым к бою: «И не смеша на нь дързнути».⁵⁶ Высок ценился доспех как военная добыча,⁵⁷ а его блеск неизменно восхищал очевидцев. Надежность брони не подлежит сомнению. Только один раз летопись упоминает о том, что кольчугу пробил стрела «под сердце».⁵⁸

Кольчужные доспехи русских, возможно, шедшие на Восток, затем получают известность и на Западе. Во французской героической поэме «Рено до Монтобан» упомянута «добрая кольчуга, сделанная на Руси» («bon hanberg qui en Roussie»).⁵⁹ Красивейшие блестящие брони (Brunje) из стали и золота неоднократно отмечены в Ливонской рифмованной хронике (для событий 1218 и 1238—1242 гг.).⁶⁰

Об истории кольчуги удельной Руси лучше всего судить археологическим данным.

Примерно 85 кольчуг (считая целые и обломки) XI—XIII вв. найдены в 51 археологическом комплексе на пространстве от Новгорода на севере до Воинской Гребли на юге (табл. 2). Кольчуги XI в. случайны, зато начиная с XII в. они все чаще попадаются в раскопках многих городов: Новгорода, Пскова, Минска и др. Особая густота находок свойственна Южной Руси, где бытование кольчатого доспеха отличалось особой популярностью. Достаточно сказать, что почти все дошедшие до нас целые брони удельного периода (30 из 32) и десятки кусков и обломков найдены на юге (рис. 41). Основными хранилищами кольчуг явились здесь города, сожженные монголами, и черноклобуцкие курганы Киевского Поросья.

Обстоятельства нахождения древнерусских кольчуг дают обильный материал на тему о былых военных превратностях и переменчивости боевого

судьбы. Одни из обнаруженных доспехов принадлежали военачальникам, павшим в борьбе с монголами на крепостных стенах своих городов (№№ 37 и 68, Киев и Городище), другие оставлены хозяевами богатых жилищ, убитыми или бежавшими при городских катастрофах (№№ 30, 38, 39, 67 и 76, Бородино, Киев, Белгородка, Райки, Крылос), третьи брошены для облегчения во время бегства (№ 33, Лыково), четвертые утонули своих владельцев на дно рек при переправах (№ 71, Вигаданка, из р. Буг). Поросские черные клобуки любили одевать в кольчуги (иногда последние свертывались в клубок) своих усопших вождей и витязей. Кольчуги из этих погребений со временем отвердевали и превращались как бы в скульптурный отпечаток своих последних владельцев (рис. 14, 15). Три таких «железных манекена» в неповрежденном виде были доставлены и выставлены в музеях Ленинграда и Киева (рис. 42).⁶¹

Кольчатый доспех, как и в более раннюю пору, был характерен прежде всего для социальных верхов общества и войска. Эти лица жили в богатых домах, имели полный набор вооружения, в том числе коней, шлемы, мечи или сабли. Погребенные поросские кольчугоносцы были убраны с варварской роскошью; поверх шелковых и парчовых одежд они имели золотые и серебряные украшения (гривны, перстни, серьги, браслеты, застежки, монеты и др.).⁶² Древнерусский военный быт свидетельствует, однако, о том, что кольчуги носили не только самые знатные. Летописец как обычное

⁵⁴В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе, т. I. Пгр., 1920, стр. 203; Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М. — Л., 1958, стр. 299, 503 (ср.: И. И. Срезневский. Материалы..., т. I, стр. 178 и 182—183).

⁵⁵Ипатьевская летопись под 1111, 1159 гг.; Новгородская первая летопись под 1219 и 1220 гг.; Воскресенская летопись под 1220 г.

⁵⁶Лаврентьевская летопись под 1154 г.; Ипатьевская летопись под 1159 г.

⁵⁷Суздальская летопись по академическому списку под 1216 г.

⁵⁸Лаврентьевская летопись под 1184 г.

⁵⁹А. И. Дробинский. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе. Ист. зап., т. 26, М., 1948, стр. 109.

⁶⁰Livländische Reimchronik, herausgegeben L. Meyer. Paderborn, 1876, стихи 1604, 2105, 2215. Нарядные золотые, серебряные брони названы в «Девгениевом деянии» XII—XIII вв. (М. Сперанский. Девгениево деяние. Сб. ОРЯС, т. 99, № 7, Пгр., 1922, стр. 141—142).

⁶¹№№ 47, 48 и 53 (Липовец, Бурты и Ковали).

⁶²№№ 45, 53, 56, 60 и 63. Добавим сюда очень богатое кочевническое погребение из Юрьева-Польского (№ 34).

явление описывает целые отряды воинов в свергающих доспехах, чаще всего, очевидно, бронях.⁶³

Еще совсем недавно в научной литературе можно было встретить утверждение о том, что все встреченные в курганах и случайных находках русские кольчуги сильно проржавели, и поэтому древний облик их изучить невозможно. Действительно, большинство найденных фрагментов или не расчищалось, или не выдерживало самой осторожной реставрации. Однако имеются данные, позволяющие судить об устройстве и покрое кольчуг эпохи феодальной раздробленности.⁶⁴ Из 32 кольчуг, найденных целиком, 13 были вынуты из земли полностью и 8 из них доступны практическому обследованию.⁶⁵

Кольчуги, как и в предшествующий период, плелись из проволоочных колец, составлявших в поперечнике 6—8 и 10—13 мм при толщине 0,8—2 мм. Предпочиталось соединение более крупных колец. На плетение одного доспеха шли кольца стандартного размера (рис. 43). Одновременное употребление колец разной величины будет свойственно кольчугам позднего средневековья.⁶⁶

Что касается способа изготовления колец, то почти во всех доступных случаях (38 раз), иногда после специальной обработки,⁶⁷ я мог наблюдать известную и раньше попеременную сварку и склепку колец (1 склепанное продевается в 4 сваренных). На изготовление одной кольчуги шло в среднем 600 м железной проволоки и не менее 20 000 колец.⁶⁸

Измерения уцелевших кольчуг⁶⁹ показывают, что их обычная величина следующая: длина 60—70 см, ширина в поясе около 50 см, длина рукава около 25 см. Полагался разрезной ворот, отложного или стоячего воротника не было (рис. 3; рис. 44). Передние и задние разрезы подола не являлись общим правилом. Совсем не обнаружены такие признаки позднесредневековых кольчуг, как длинный рукав, большой запах ворота (с подполком), прошнурованный кожаными ремнями стоячий воротник, расширенный книзу подол, сеченые кольца или кольца с внутренним мысообразным выступом, плоские клиновидные или двойные заклепки, двойное плетение в наиболее уязвимых

местах, медные мишени, вес, доходящий до 10—17 кг.⁷⁰

В двух случаях — в Новгороде⁷¹ и Владимире-Волынском (слои XI — начала XII в.) — найдены обрывки плетения, где все колечки склепаны маленькими заклепками, т. е., по выражению, принятому в позднем средневековье, «на гвоздь». Такими же сплошь клепанymi оказались и две не потерявшие своей гибкости и хорошо сохранившиеся райковецкие кольчуги.⁷² Покрой их близок описанным выше. Это относительно короткие рубашки; их длина 70 см (или 123—125 рядов колец), ширина в плечах 100 и 130 см, а в поясе 60—66 см. Рукава рубашек короткие, разрез ворота сдвинут влево. Первая кольчуга⁷³ составлена

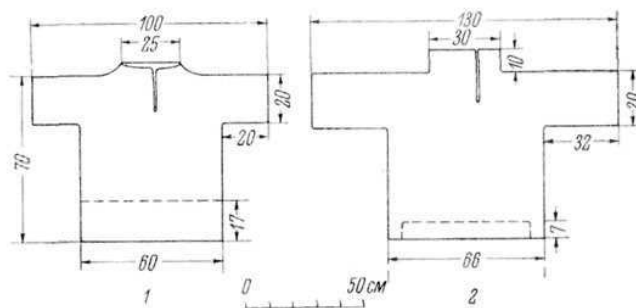

Рис. 3. Покрой кольчуг (1, 2), найденных в Райковецком городище (№ 67).

из 35 000 колец и весит 6,15 кг. Ее кольца равны в поперечнике 11 мм. Только по краю ворота уложен бордюр из колечек шириной 5 мм. Вторая кольчуга изготовлена из 50 000 колец (размер их такой же, как у описанных выше) и весит 5,5 кг (меньший по сравнению с первой вес объясняется большей степенью очистки). У первой кольчуги защита шеи едва намечена. У второй имеется воротник, возвышавшийся над уровнем плеч на 10 см. Судя по всему, описанные доспехи предназначались для людей разных по сложению, а может быть, и возрасту. Задние полы кольчуг средние, очевидно, для удобной посадки в седле.

Доспехи из только склепанных колец (как уступка более простой и однообразной техноло-

⁶³ Никоновская летопись под 1099, 1149, 1152, 1237 гг.; Ипатьевская летопись под 1185, 1193, 1261 и 1277 гг.

⁶⁴ Я встречал в музеях большие куски спекшихся кольчуг, которые можно расчистить и, видимо, открыть целый доспех (ср. №№ 37 и 42).

⁶⁵ №№ 41, 47, 48, 53, 67 и 69. В Райках найдены сразу 3 целые кольчужные рубашки. Обследование одной из них, переданной в Эрмитаж из Бердичевского музея, убедило меня в том, что она относится к XV—XVII вв. и, следовательно, к домонгольскому периоду отнесена по ошибке.

⁶⁶ При описании кольчуги из Ковалей (№ 53) указывается, что ее кольца на груди были мельче, а на плечах и рукавах крупнее (А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. III, СПб., 1901, стр. 123—124). Проверить это наблюдение мне не удалось.

⁶⁷ №№ 26, 27, 36, 40—42, 47, 51, 57, 59, 67, 68 и 75.

⁶⁸ Н. В. Гордеев. Русский оборонительный доспех. В кн.: Гос. Оружейная палата московского Кремля. М., 1954, стр. 64.

⁶⁹ №№ 41, 47, 48, 53 и 69.

⁷⁰ Разграничительные признаки поздних и ранних кольчуг, впрочем, относительны. Так, среди кольчуг XV—XVII вв. встречаются образцы без воротников, короткого покроя, весом около 5—6 кг, с кольцами, сваренными и склепанными. При хронологических определениях следует учитывать всю совокупность признаков. О позднесредневековых кольчугах см.: Н. Печенкин. Археологическая разведка на предполагаемом месте Шелонской битвы. В кн.: А. К. Байов. Шелонская операция царя Иоанна Васильевича. Пг., 1915, стр. 67—68, рис. 1; Н. В. Гордеев. Русский оборонительный доспех, стр. 67—69; М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие. М., 1953, стр. 59—61. Некоторые из поздних кольчуг я в сравнительных целях обследовал в Эрмитаже и АИМ.

⁷¹ А. В. Арциховский. Раскопки на Славно в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 174, рис. 13, а, б. У новгородской кольчуги оказалось орнаментальное окаймление из медных колец. Аналогичная особенность была уже отмечена у кольчуг X в. (ср. №№ 8, 12 и 17).

⁷² Проверить документально райковецкое происхождение этих кольчуг я не смог.

⁷³ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XV, 1.

гии) стали производиться в Европе после 1400 г.⁷⁴ и преобладали в Московской Руси.⁷⁵ Начало этого производства относится, как видно из приведенных выше примеров, еще к домонгольскому периоду.

Около 1200 г. в доспешном деле появились плоские кольца диаметром 13—16 мм, шириной 2—4 мм при толщине 0.6—0.8 мм. Эти кольца отковывались из первоначально круглой железной проволоки и затем, очевидно, при помощи специального штампа сплющивались. На лицевой поверхности этих колец иногда были отгиснуты для прочности две радиальные бороздки.⁷⁶ Находки такого рода⁷⁷ происходят из Лыкова, Княжей Горы и Городища (№№ 33, 40 и 68), причем в первом и последнем случаях речь идет о целых доспехах. Брони из плоских колец примерно в 1.5—2 раза расширили железное поле, прикрывавшее целое века, и при этом вес их не увеличивался.⁷⁸ Одежда из плоских крупных колец хорошо послужила целям усиления защиты воина и удержалась на вооружении московских ратников под названием «байдана», «панцирь».⁷⁹

К числу нововведений предмонгольского периода можно отнести также кольчужные чулки, появившиеся на Западе после 1150 г.⁸⁰ Эта воинская принадлежность, насколько можно судить, едва ли не впервые была изображена на южных Суздальских вратах 30-х годов XIII в., затем на образке «Св. Дмитрий» (о нем см. ниже, стр. 19), на некоторых миниатюрах Симоновско-Хлудовской псалтыри около 1270 г.⁸¹ и Тверского Амар-

⁷⁴ E. Burgess. A mail shirt from the Hearst collection. *Antiquaries. T.*, vol. 38, № 3—4, London, 1958, стр. 202. Э. Берджес много сделал для реконструкции техники производства кольчуг. См. также: C. Blair. *European Armour*, стр. 20.

⁷⁵ Э. Э. Ленц. 1) Описание собрания оружия..., стр. 6 и сл.; 2) Указатель отделения..., стр. 287—288 и сл.

⁷⁶ На аналогичных кольцах позднесредневековых доспехов бороздки нанесены сразу с двух сторон.

⁷⁷ Подобные кольца найдены и в Новгороде (Б. А. Колчин. *Черная металлургия...*, стр. 151).

⁷⁸ Позднесредневековые доспехи из плоских колец весили 3.5—7 кг, а иногда доходили до 11 кг (Н. В. Гордеев. *Русский оборонительный доспех*, стр. 89).

⁷⁹ Позднесредневековые панцири ничего общего не имели с пластинчатым доспехом. Это были те же кольчуги, только с плоскими кольцами (ср.: А. Н. Кирпичников и И. Н. Хлопин. *Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI—XVII вв.* Описание 1635 г. МИА, № 77, 1957, стр. 197). Н. В. Гордеев полагает, что отличие позднесредневековой кольчуги от панциря заключается еще и в способе скрепления колец (Русский оборонительный доспех, стр. 79—82).

⁸⁰ C. Blair. *European Armour*, стр. 28, 34—35.

⁸¹ ГИМ, Отдел рукописных источников, Хлудовская 3. Миниатюры выполнены приблизительно в 1270 г. по заказу инока новгородского Юрьева монастыря Симона. В отличие от многих лицевых изображений симоновские, по моему мнению, оригинальны и являются древнейшими сохранившимися, к тому же современными своему периоду, русскими рисунками. По реализму и другим особенностям они выдвигаются в число первоклассных, почему-то до сих пор не обследованных источников; 21 миниатюра передает военные сцены. Лучшие из них представлены в настоящей публикации. По части вооружения и особенно доспеха симоновские рисунки воспроизводят несомненно бытовавшие тогда изделия. Они с необычайной точностью передают воин-

гола около 1300 г. (рис. 57, 2; 58, 2).⁸² До спешные чулки сохраняются на Руси вплоть до XIV—XVII вв. под названием «кольчужные нагавицы».⁸³

На примере изготовления кольчатого доспеха мы каждый раз сталкиваемся с поразительно живучими техническими приемами (сплошь клепаные и плоские кольца, медные каймы, нагавицы), которые были в ходу много столетий и Московской Русью унаследованы от ее великокняжеской предшественницы.

Долгое время русские брони, по-видимому, не были столь тяжелыми и длинными, как на Западе, где они уже в X—XI вв. достигли поколенной длины, получили длинный рукав и весили около 10 кг.⁸⁴

Однако в XIII в. изменились не только кольца кольчуг, но и их покроя. Эти изменения прослеживаются по тем художественным памятникам XIII—XIV вв., где слабеет или утрачивается каноническое византийское влияние и нарастают местные черты.⁸⁵ На некоторых руссифицирован-

ский костюм, разные типы панцирей, щиты, шлемы, конные полки и мн. др. Реставрация этих местами сохранившихся миниатюр (всего их 127) и издание в цвете явились бы крупным обогащением советской средневековой истории. Литература: А. И. Успенский. *Очерки по истории русского искусства*, т. I. М., 1910, стр. 243—270 и илл.; *Археологический ежегодник*. М., 1964, стр. 163—164; О. С. Попова. *Новгородская рукопись 1270 г.* Зап. отд. рукописи Гос. библ. им. В. И. Ленина, вып. 25, М., 1962, стр. 188.

⁸² Хранится в библиотеке им. Ленина (Рукописное собрание, фонд московской духовной академии, 100. Публикуемые изображения взяты из фотоархива ЛОИИ, П-21596 и сл.). Готовится фототипическое издание всех миниатюр. Литература: Д. В. Айналов. *Иллюстрации к хронике Георгия Амартола*. ТОДРЛ, т. III, М., 1936, стр. 13—21; О. И. Подобедова. 1) *Миниатюры русских исторических рукописей*. М., 1961; 2) *История создания тверского списка хроники Георгия Амартола*. Докл. сов. делег. на V Междунар. съезде славистов, М., 1963.

⁸³ «Нагавицы — обувь вроде голенищ, для закрывания ног от колена до плюсны» (П. И. Савваитов. *Описание старинных русских утварей, одежд, оружия и ратных доспехов*. СПб., 1896, стр. 81).

⁸⁴ Ср. кольчугу, приписываемую Вацлаву (В. Nechvátal. *K nejstaršimu brnění v čechách*. Sb. českosl. společnosti archeol. PRI CSAV, № 1, Brno, 1961, стр. 57—61). См. также: *The Bayeux tapestry*. New York, 1957, рис. 24 и сл.

⁸⁵ Изображались кольчуги в русском раннефеодальном искусстве очень редко. Рисунок этого доспеха я встретил на двух миниатюрах Тверского Амартола (ок. 1300 г.) и двух иконах XIV в., восходящих к XIII в. («Борис и Глеб», нач. XIV в., клейма 6 и 8; «Никола». XIV в.; см.: В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. *Каталог древнерусской живописи*, т. I. М., 1963, стр. 244—245, рис. 155; 156 и стр. 247—248, рис. 159). «Преобладающие кольчуги» в миниатюрах Радзивилловской летописи склонялся видеть А. В. Арциховский (А. В. Арциховский. *Древнерусские миниатюры как исторический источник*. М., 1944, стр. 20). Это заключение, как признает и сам исследователь, подсказано не рисунками, а музейными коллекциями. Я обследовал миниатюры и согласен с В. И. Сизовым, который связывал доспехи радзивилловских миниатюр с византийской традицией. При этом он заметил, что, эти одежды «представляют характерные черты римского вооружения, но уже измененного византийцами на свой лад» (В. И. Сизов. *Миниатюры Кенигсбергской летописи*. Изв. ОРЯС, т. X, кн. 1, СПб., 1905, стр. 33). На упомянутых миниатюрах сотни раз показан только пластинчатый доспех (при схематично-